

"Это третий город". Нангонг Чен сказал.

Го Сюжао уже готовился к атаке города в тылу, а генералы обеих армий были рыжеглазыми.

У Нангуна Чена в руке было копье, и в этот момент он сидел на своей боевой лошади безо всякого выражения.

Холодный ветер дул мимо, ударив лицом, как ножом порезал болезненно, Гуо Сюжао не мог не сжать шею, а затем посмотреть на Нангун Чэнь, он, казалось, не чувствовал себя генералом.

Барабаны войны били, и два армейских мастера начали убивать друг друга.

Как сердце к сердцу, они сначала ранили боевые лошади друг друга, когда они бросились, и два прыжка в то же время, оба устойчиво приземлились на землю.

Это был бой до смерти, который оба приложили свои последние силы.

После нескольких сотен раундов Цинь Аотиян уже не мог содержать себя, но решимость на его лице не позволяла ему отступить, потому что позади него все еще было много пар глаз, смотрящих на него.

Хороший человек должен умереть на поле боя, только ища кожу лошади и тело без стыда.

Возможно, это был момент отвлечения внимания, пистолет в его руке был яростно сорван с земли Нангонг Чен, его тело было несбалансированным, и он встал на колени на одной ноге.

Глядя на небо, в его глазах появились следы горя и гнева, будучи настолько смиренным.

Ему было уже больше сорока лет, и он думал, что эта битва может закончиться победой, но он никогда не думал, что воля Божья будет верна, он провел большую часть своей жизни, скачущий по пескам, и в конце концов, он все равно должен был умереть в битве.

Нангун Чен не продолжал ходить, он посмотрел на Цинь Ао Тянь, в этот момент победа и поражение были разделены, не было необходимости бороться дальше.

Как раз в тот момент, когда Нангун Чен повернулся, чтобы уйти, Цинь Ао Тянь внезапно взял копье рядом с ним и бросился в сторону Нангуна Чена, как летать.

Генералы на поле боя все широко открыли рот, никто не ожидал, что Цинь Ао Тянь сделает такой ход.

Чувствуя разницу позади него, Нангонг Чен повернулся, и копье уже колотило в его сторону.

Между молнией и огнём копья Нангун Чена вонзило в грудь Цинь Ао Тянь.

"Зачем ты это делаешь? Хороший человек, умирающий на поле боя, должен быть славным, а твои действия, подобные этому, принесут только позор". Нангонг Чен сказал прямо.

Лицо Цинь Яотиань боролся, чтобы выдавить улыбку, как он сказал: "Как генерал, мне нет оправдания умирать так, но как сын королевства Чжоу, я не могу упустить любую возможность победить".

Сказав это, Цинь Аотиан сильно упал, его два глаза никогда не закрывались.

Главнокомандующий сломался, а генералы, стоявшие за ним, естественно, попали в переделку.

Солдаты Белого царства в это время запустили заряд, и какое-то время он был жалким.

Чен Ихань сорвал с угла рубашки и поспешно перевязал руку Нангун Чена, спрашивая с напряженным выражением: "Генерал, с вами все в порядке?".

Нангонг Чен улыбнулся и помахал рукой, сказав: "Я в порядке".

Когда он оглянулся на Го Сюжао, Го Сюжао протянул ему большие пальцы.

После битвы в армии, отправленной другой стороной, оставалось всего пять-шесть тысяч человек.

Эти пять-шесть тысяч человек, раненые и покалеченные, были в этот момент тяжело окружены армией Белого Царства.

Хотя это было определенное поражение, не было страха на лицах армии Чжоу, вместо того, чтобы быть в ловушке до смерти, было лучше бороться до смерти является их общей мыслью.

В этой ситуации у них не было другого выбора, кроме как вырваться на смерть, но перед лицом стального окружения они также знали, что это был всего лишь самообман.

"Все они будут обезглавлены, и битва будет быстрой." Лицо Нангонг Чена было бесчувственным, когда он передавал приказ.